

фантастическая
история

МОСКВА, 2013

фантастическая
история

Андрей Дай
Поводырь

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д12

Дай А. Ю.
Д12 Поводырь: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 345 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1407-9

Российская империя, вторая половина 19 века. По Великому Сибирскому тракту к месту своего назначения едет новый губернатор Томской губернии, в тело которого неведомым образом из глубин небытия была запущена грешная душа губернатора Томской области начала 21 века.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1407-9

© Дай А. Ю., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

*История эта совершенно фантастическая,
ни к кому из губернаторов современной России
отношения не имеющая*

ПРОЛОГ

От почтовой станции в селе Еланском, что Тобольской губернии, до Усть-Тарки уже губернии Томской по Московскому тракту тридцать три с половиной версты. Тридцать три с половиной версты заснеженной, ветреной, унылой — когда белая пустыня сливается с неприветливым бесцветным небом — степи. И лишь темная ниточка наезженной колеи выдает некоторое присутствие человека в тех почти безлюдных местах.

И букашка широкого и валкого, поставленного на полозья, угловатого дормеза, запряженного тройкой исходящих паром, утомленных лошадей. Возница, по заиндевелые брови закутанный в обширную овечью доху, едва держащий застывшие вожжи — куда денешься из траншеи натоптанного тысячами копыт тракта, — еле слышно мурлыкающий какую-то заунывную стародавнюю ямщицкую дорожную песню. Глухо поскрипывающая упряжь и три сиплые, непривычные к тяглу лохматые неказистые лошадки.

И скрип снега, снега, снега...

И сведенные судорогой ужаса до хруста зубовного челюсти пассажира теплой кареты. Забившееся в угол сознание бывшего хозяина молодого и крепкого тела, тихо подвывающее рваные слова молитв на латыни.

И я. Торжествующий, вновь почувствовавший биение жизни, дышащий, потеющий в богатой бобровой шубе. Я — захватчик. Я — давным-давно умерший в несусветном для этого мира будущем, целую вечность обретавшийся в бесцветном Ничто, среди стенающих от безысходности осколков человеческих сущностей. И наконец, я — пробивший незримую пелену, просочившийся, страшной ценой прорвавшийся к жизни, к свету, к искуплению...

Глава 1

19 ФЕВРАЛЯ

От почтовой станции в селе Еланском, что Тобольской губернии, до Усть-Тарки уже губернии Томской по Московскому тракту тридцать три с половиной версты. И через каждую из них у дороги, черными и белыми полосами из сугроба, кланяясь немилосердным ветрам и лихим людям, вкривь и вкось торчали верстовые столбы. Кому — знаки отчаяния: все дальше и дальше уносит дорога от родимой стороны. Кому — пища для нетерпения: все ближе и ближе конец пути.

Тридцать три с половиной версты. Из них двадцать две по Тобольской земле. А уж остальное — по Томской.

Завозился, заерзал возница на облучке тяжелой кареты, разглядев знакомые цифры. Сунул нерешительно локтем в кожаную стену дормеза, а потом и, выпростав руку в рукавице, застучал по крыше. Закашлял. Обмахнул сквозь облако пара рот, перекрестил да и гаркнул так, что лошадки вздрогнули и побежали живее:

— Прибыли, барин! Уж теперя до дома чуть осталось. Томска губерня началась!

И степь, на сотни верст безлика и однообразная, придавленная сажеными сугробами, тут же изломалась утесами, изогнулась промоинами истоков знаменитой реки, на берегах которой хранит зимние квартиры русского сибирского войска генерал-губернаторский Омск. А вдали, на самом горизонте, да с облучка-то разглядишь, уже завиднелась тонюсенькая полоска Назаровского леса.

«Слышь... как тебя там, — мысленно обратился я к бывшему единоличному хозяину тела. — Мы куда едем-то?»

— Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззакония мои, — шептали мои губы. Наверняка ведь слышал вопрос, а ответить побрезговал. Пришлось приложить усилия и запретить губам бормотать всякую ересь.

«Омой меня от всех беззаконий моих, и от греха моего очисти меня. Ибо беззакония мои я знаю, и грех мой всегда предо мною. Пред Тобой одним согрешил я, и злое пред Тобою сотворил я, так что Ты прав в приговоре Своем и справедлив в суде Своем. С самого рождения моего я виновен пред Тобою; я — грешник от зачатия моего во чреве матери моей», — продолжились причитания страдальца внутри нашей общей головы. Причем у меня создалось стойкое ощущение, что произносится молитва уж никак не на русском языке.

— Едрешкин корень, я что это! Нерусь какой-то?

— *Schlafen Sie, Hermann. Dieser unendliche Weg...* — густым грудным басом вдруг заявил спящий было на диване напротив благообразный седой старик. Приоткрыл мутные, выцветшие глаза и тут же вновь засопел, вызвав у меня нервное беззвучное хихиканье. Я прекрасно понял старца. «Спите, Герман. Эта бесконечная дорога...» — вот что он сказал! А уж *Deutsch* ни с каким другим языком точно не спутаешь!

Мама моя родная! Я вселился в немца, и путь мой лежал в Томскую губернию.

«Высочайшим повелением его императорского величества назначен исправляющим должность начальника губернии Томской», — самодовольно протиснулась мысль туземного разума сквозь шелуху лютеранских псалмов. И в тот же миг я понял, вспомнил, осознал, что зовут меня теперь Герман Лерхе. Дворянин. Батюшка, Густав Васильевич, из обрусевших прибалтийских немцев, служит в свите какого-то герцога в столице. Старший брат, Мориц, по воинской стезе пошел. Сейчас в Омске, готовит свой отряд к летней кампании... А я, Герман Густавович Лерхе, двадцати восьми лет от роду, а уже стараниями отцовыми действительный статский советник — вроде генерала. И новый губернатор Томска.

Ну конечно! Почему я решил, будто у Него нет чувства юмора? Вернуть меня в то же кресло, из которого я уже однажды отправился в другой, скорбный мир. Отошел прямо с рабочего места, так и не исполнив предназначения, Им мне уготованного. И был возвращен на дьявол знает сколько чертовых лет назад, но, по сути, в то же самое место. Усмешка судьбы? Вот только не нужно побывавшему Там рассказывать про судьбу! Скажи это поганое слово — и пара миллионов лет в мире без времени тебе обеспечена...

От одного воспоминания зябко становилось и живот подводило...

Господи! Хорошо-то как! У меня вновь был живот!

«*Кто ты такой, дьяволов слуга, что так смело поминаешь имя Господне?*» — робко поинтересовался туземный разум с самой грани.

Дьявол? Ну какой я, к чертям собачьим, дьявол? Если уж начать разбираться, то выйдет, что я скорее ангел небесный... Ну или почти ангел. Исправляющий обязанности, так сказать! Хи-хи. Поводырь я! Душу твою вести стану к... Ну, считай, к лучшей доле. Так что сиди и не дергайся, пассажир! Поделись памятью и получай удовольствие. Мне еще искупить предстоит... Ошибки прежней жизни нас злобно гнетут, едрешкин корень...

«*А я? Моя бессмертная душа...*»

Он не успел выплакаться до конца. Тяжелая пуля — по дыре в стенке кареты этак граммов под сорок — пребольно чиркнула по щеке. И ушла в стенку переднюю. Прямо в спину вознице.

— Schweinerei, wie schwer ist es, ohne Revolver zu leben!¹ — каркнул я, но подумал совсем другое. Вот это и был ответ на не до конца высказанный вопрос прежнего обитателя этого замечательного молодого тела. Божий Промысел, блин.

Между тем дормез принялся мотаться из стороны в сторону. Все говорило о том, что экипажем больше никто не управлял.

Старик неожиданно сноровисто для его-то седин спус-

---

¹ Свинство, как плохо жить без револьвера (нем.).

тился на пол кареты. Из раскрытого саквояжа полетели прочь носовые платки, связки бумаг, какие-то лакированные коробочки и шелковые мешочки. Пока белому свету не был предъявлен изрядно поцарапанный, явно оружейный ящик.

— Револьвер Beaumont-Adams, — прогудел старый, как я теперь знал, слуга. — Батюшка ваш настоял. Сказывал, в дороге неминуемо пригодиться может. Дикие края...

Можно было бы поспорить с престарелым Гинтаром. Все-таки дорожный грабеж — какой-никакой, а признак цивилизации. Да только представители этой самой «дорожной» субкультуры, осмелевшие настолько, что посмели стрелять в карету царева наместника, меня занимали гораздо больше. А ведь еще следовало разобраться с этим Beaumont-Adams. Что-то я не припоминал среди знакомых мне изделий господ Калашникова да Макарова чего-то с франко-аглицким именем. Пресловутый наган — и тот только в музее видел.

Кто сказал, что глобализация — изобретение двадцать первого века?! Это я, конечно, уже после выяснил, но топорно сработанный английский пятизарядный пистоль с надеваемыми на штырьки внешними капсюлями оказался бельгийского производства. На патронах четко различались русские буквы, а на капсюлях — французские. Такая вот дружба народов, к Великому уравнивателю применительно.

Благо желтенькие цилиндрики оказались уже надетыми на запальные трубки. Сомневаюсь, что с ходу сообразил бы, как это делается, мотаясь от правой дверцы к левой по обширному кожаному дивану внутри кареты.

— *Merci. Tu nous a sauvé, ansien serviteur!*¹ — Разрази меня гром, но в той непростой ситуации я почему-то перешел на французский. Причем был уверен: Гинтар поймет. Экий мне слуга-полиглот попался. В той-то жизни я из всех иностранных языков только русский строительный знал. Он же — русский военный.

В дюймовую дыру в задней стенке дормеза злодей не

---

¹ Спасибо. Ты нас спас, старый слуга (*фр.*).

просматривался. В малюсенькие, да еще и затянутые толстенным слоем изморози окошки различался только силуэт скачущего на лошади рядом с экипажем человека. Вероятность, что этот незнакомец — герой боевиков, спешащий на помощь попавшему в беду губернатору Томской губернии Российской империи, я считал исчезающе малой. А потому, ничтоже сумняшеся, долбанул из своего пистолета в кавалериста прямо сквозь стену.

И зря. Злыдень-то из театра теней исчез, но вот дверцу пришлось спешно распахивать. Порох в этой ручной мортире со стволом, куда легко входил палец, оказался черным. А значит — дымным. Судя по брызнувшим из глаз слезам, еще и ядовитым.

Возница был найден живым. Скрюченным, зажавшимся, плачущим от боли, но живым. Было бы время молиться — возблагодарил бы кого следует. Ибо кто бы мне еще подсказал, за что там нужно было дергать, чтоб остановить этот адский механизм в три лошадиные силы. Сам-то я в прошлом/будущем с конями только в виде колбасы умел обращаться.

Красивый у меня был мундир. Темно-зеленый, богато расшитый по обшлагам и стоячему воротнику. Два ряда золоченых пуговиц с имперской короной и еще какой-то штуковиной. Красивый, да нисколько не теплый. Ледяной ветер пронизывал насквозь все это шитье с галунами. Перчатки из неправдоподобно тонкой кожи вовсе не защищали рук от холода. А тут еще леденючая рукоятка допотопного револьвера и мужик какой-то, прицепившийся на задке и пилящий ножом ремни, которыми сундуки да чемоданы были привязаны. Нет, ну каков нахал! Я, значит, простывай, а он — в меховом треухе и овчинном полушубке — еще и скалился. Словно знал, что ненадежная техника осечку даст.

Думаете, легко взвести курок антикварного пистоля? Так-то ничего невероятного, кабы под ногами твердая земля, а не это шатающееся недоразумение на полозьях. Крепко держишь правой этого «адамса» за рукоятку, а левой оттягиваешь назад тугую скобу.

Я бы в циркачи пошел, и учить меня уже не нужно! Смертельный номер: укрощение жертвы оружейного прогресса, стоя на крыше мчащегося экипажа. Жаль, зрителей было мало. Мужик в треухе даже ремень пилить перестал, так его мои эквилибрисы потрясли. Свинцовая пуля почти в полдюйма, конечно, тоже потрясающая вещичка, но то не моя заслуга, а англо-бельгийской банды бракоделов. Злодея и треух не уберег: раскинул мозгами по Московскому тракту...

Их было трое, как в сказке. Было у отца три сына... Тот, что оставался живым, видимо, у неведомого папаши был первым. Ибо — умным. Пальнул метров с двадцати из фузеи с каким-то уж совершенно невозможным калибром, убедился, что не попал, и поворотил коня. Логично! Человек с разряженным карамультуком времен царя Гороха всяко слабже другого, с револьвером. Наверняка ведь и выстрелы успел посчитать, и, что у меня еще два выстрела на одну его душу, понять. И конь тут не плюс, а минус. Просто замечательная мишень.

Жаль, конечно. Животное-то ни в чем передо мной не провинилось. А что делать? Думаете, в той жизни у меня фамилия Иствуд была и я в состоянии со скачущей во весь опор кобылы из одного кольца тридцать человек перебить? Так я открою вам глаза. Уважаемый Клинт тоже этого не мог. Кино это. По сценарию положено ополовинить злыдней за пять минут до конца фильма, значит, поправит ковбой шляпу — и ну его палить... И какой из меня ковбой? Сомбреро у меня нет, на лошади ездить не умею, и мундир совсем другой.

Грабитель послушно навернулся с падающей через голову коняги. И похоже, чего-то там себе повредил — так и лежал смирененько, пока я не остановил свой сундук на лыжах и не отправился знакомиться.

— Посмотри, что там у возницы, — бросил я на ходу выбирающемуся из кареты слуге. Командовалось легко. Хоть в чем-то наши с туземным обитателем души оказались схожи.

Седой Гинтар успел накинуть мне на плечи тяжелую бобровую шубу, прежде чем, кряхтя, полез на облучок.

Пока шел, стало отпускать. Мороз пробрался в самые закутки одежды. Шел, все плотнее заворачиваясь в каком-то чудом сохранившую остатки тепла шубу. И думал о том, что нечего было пижонить и трястись в этом ящике на полозьях, вместо того чтобы покачиваться себе на диване в теплом вагоне. Чего это, спрашивается, мой подопечный не поехал к месту службы по железной дороге?

«Чугунке? — словно только того и ждал, откликнулся пассажир. — Так я и ехал. От Петербурга до Москвы. А потом до Нижнего. Там уже на тракт Сибирский ступили».

Почему так, а? Вот почему на очевидные вроде вещи именно так глаза открываются? Пистоль этот адамовский, фузея у грабителей... И губернатора такого — Лерхе Германа Густавовича — в родном Томске что-то не припоминалось. И либо заслался я немножечко не в тот мир, в котором почти шестьдесят лет коптил воздух. Либо в совсем уж дремучее прошлое сподобился провалиться. Такое, что Транссибом тут еще и не пахнет. Чудны дела Твои, Господи!

Прежде чем дошел, постоянно оступаясь и спотыкаясь в щегольских кавалерийских сапожках-то на каблучке — немудрено, — показалось, что из-за окраин по-хозяйски расположившегося в новом теле разума послышалось язвительное хихиканье выставленного из «дома» пассажира. Пользуется, гад, что невозможно прижать ему ко лбу холодный ствол сорокового калибра да поспрашивать...

А у татя — сам бог велел. И его ножик не напугал. Ноги-то все равно мертвой лошадью к земле придавлены — куда он денется с подводной лодки. В Барабинской степи.

— Какое сегодня число? — любезно поинтересовался я, останавливаясь четко на той линии, куда грабитель уже клинком не дотягивался. Полюбовался на выпученные от удивления глаза и продемонстрировал свой единственный аргумент. Был соблазн прострелить гаду что-нибудь не столь уж важное для жизни, но пуля-то последняя оставалась. Пришлось наступить на горло собственной песне.

— Девятнадцатое, — скривил губы так, что нечесаная борода забавно встопорщилась.

— Поди, и месяц знаешь?

— Здоровенько же ты, барин, тезоименитство справил. Что и дни спутались... Февраль жо ж. Долгонько до весны ище...

— Девятнадцатое февраля... Ну, ты, любезный, мне прямо глаза раскрыл... Начал хорошо, так досказывай.

— Глумишься? — выплюнул неудачливый грабитель с самой большой в здешних краях дороги. — Погоди ужо. Погоди! До Караваева весть долетит, ужо он на тебя посмеется. Все тебе припомнит. За каждую капельку кровушки, что людишки евойные пролили, спросит...

— Ага, — обрадовался я. Отчего-то совершенно не верилось в такие совпадения. Ехал себе одинокий губернатор Московским трактом, никого не трогал. Да вот перепутали его с купчиной каким-то и уморить вздумали. Бред?! Бред, однозначно. — А Караваев-то у нас кто?

— Тебе ли не знать, жидовская твоя морда, — вскинулся тать.

— Да уточнить хотелось бы... И отчего же я жидовская морда — тоже. На немчинскую еще буду вынужден согласиться, ибо правда. А с жидами, уж прости, ничего общего не имею.

— Чё, правда?

— Побожился бы, да вера моя лютеранская. Нам не положено. Но мы отвлеклись. Давай-ка вернемся к личности нашего Великого и Ужасного Караваева.

— Небось память возврататься принялась? Запужался? Коллежский секретарь — это тебе не фунт изюму. Ужо он тебе покажет. Большой человек в округе! Го-то покрутисся у него, купчина...

Не врал. Я чувствовал. Полуобнаженной душой, едва обретшей новое пристанище, знал — сам себе верил этот придавленный жизнью и дохлой кобылой человек. Искренен был в этих смешных угрозах. Вот только мог и не знать всего. Чего уж проще — отправить на большак тройку никчемных лихих людишек пощипать еврейского тор-

говца. А если — конечно же случайно — обознались и убили нового правителя губернии... Так беспокойно на дорогах. Шалят-с.

— Ну ладно, — вежливо попрощался я с джентльменом удачи. — Потороплюсь, пожалуй. Нельзя заставлять уважаемого человека ждать. До округа, поди, путь неблизкий еще.

— Эй, ты чего? — обиделся грабитель. — А меня с-под животного вытягивать как же?

— Зачем? — удивился я.

— Как зачем? Нешто так и оставишь душу христианскую на дороге помирать?

— Конечно, — кивнул я. — Ты, когда в меня с фузеи стрелял, о душе думал? А я тебе время даю. Пока морозец насмерть не прихватит, с десятков молитв прочесть успеешь...

Не хотелось больше с ним разговаривать. И слушать его воплей не хотелось. Желание было вытряхнуть из глубин такого уже своего тела остатки духа этого Лерхе, прихватить за горло да спросить: чего такого он этому Зорро томского разлива успел наделать, что тот на нас охоту объявил?

«Неведом мне никакой коллежский секретарь Караванев. Я и в Каинске-то не был ни разу, — немедленно откликнулся напуганный моей яростью туземец. — Спутали лиходеи. На другого человека засада была».

Дай-то бог. Дай бог.

Впрочем... Все может быть. Нужно же было Ему как-то освободить такое уютное тело для меня. Пролети пуля на дюйм правее — и одним Германом Густавовичем на свете стало бы меньше. И пришло бы мое время. Да только поторопился я. Пораньше решил вселиться. Терпения не хватило. Терпения и смелости.

А возница молодцом оказался. Покряхтывал да за вожжи крепко держался. И, похоже, о дырке в тулупе больше переживал, чем о ране в спине. И слуга мой не промах. Пока я с татем общался, успел и раненого перевязать, и в карете порядок навести, и дыры в стенках заткнуть.

— Снаряди, — бросил я Гинтару ненужный больше пистоль и полез на облучок. Где-то далеко сзади оставались кони двоих менее удачливых «братьев», и не следовало их оставлять волкам на поживу. Да и личности злыдней были мне интересны. Чем черт не шутит, вдруг на их телах документы какие-нибудь остались. И деньги. А на деньгах — даты. Пассажир-то мой пока сотрудничать отказывался. — Показывай, герой, за что тянуть, чего дергать. Разворачивать будем. Едем трофеи собирать.

И ничего сложного. Почти как в сказке про Красную Шапочку. Потянешь за веревочку — дверь... в смысле коняга и повернет. Дорога только для моих маневров узковата оказалась, пришлось еще и задний ход осваивать. Но бага полозя широкие — вырулили.

Правда, был один неприятный момент. Мы как раз боком поперек дороги уже стояли, а тут выстрел! Честно скажу, первой мыслью было, что не добил я кого-то из лихих людишек. Тот догнать нас и сумел. А я револьвер слуге отдал... Жутко стало и неудобно. Очень уж возвращаться не хотелось.

Хорошо, быстро разобрались. Это мой седой спутник по путешествию «во глубину сибирских руд» решил таким образом последний в барабане патрон разрядить. И не пожалел же пороха с пулей. И перетрудиться не побоялся. Прошагал, скрипя коленями, к придавленному лошадью татю и вlepил ему пулю точнехонько между глаз. И «*Ruhe in Frieden*»¹ не забыл сказать. Вот она, германская скрупулезность. Хозяин намусорил — слуга прибрал. Потом пошел пистоль перезаряжать. Неужели я в Средневековье попал?

Где-то читал, что на средневековой одежде карманов еще не было. У меня вообще с историей не особо. Историю КПСС знаю: на рассвете разбудите с глубочайшего бодунища — решения любого съезда от зубов отскочат. А вот с временами дореволюционными уже много хуже. Так, пару вех и помню. Петр, Транссиб, русско-японское позорище и последовавшая за ним революция. Броненосец «Князь

---

¹ Покойся с миром (нем.).

Потемкин-Таврический»... А! Первая мировая война. А потом в памяти только Троцкий с Каменевым и Бонч-Бруевичем. Но ведь что-то же было. Как-то же люди жили, что-то делали. Наверняка и войны какие-то были. В фильме про турецкий гамбит так вообще все по-взрослому... Только вот когда это было? И было ли уже в этом мире?

Однажды попалась в руки дешевая книжонка. Отправлялись в Новосибирск. Туда Сам должен был прибыть, ну и всех окрестных губернаторов повидать изъявил желание. Понятное дело, хочешь не хочешь, бросай все дела — и беги с выражением бесконечного счастья на лице. Начало марта было. Мартовские морозы самые злые. Трассу так перемело, что армейский грейдер с парой тягачей к «мерседесу» в придачу нужно было брать. А самолет у эмчезников просить как-то... невместно. Шепнут «добрые» люди — мол, жирует плесень на бюджетные. Пришлось по старинке, на паровозике. Пять часов невкусного чая из пакетиков и той бестолковой книжонки. Ну не в окно же пялиться. Чего я там не видел? Всю жизнь в Сибири...

Картинок в брошюрке не оказалось. Пришлось доставать очки и читать. Потом даже захватило. Про царевича оказалась. Сына какого-то из царей по имени Александр. Но не Македонского — точно. Тот греком вроде был, а этот наш, расейский. Царевича Николаем звали. Николай Александрович вроде. Только императором он так и не стал. Поехал в Европу — к принцессе какой-то с трудно выговариваемым именем свататься, да и так, проветриться. Мир посмотреть, себя показать да деньгой потрясти. Типа вот мы какие медведи российские, богатые да образованные. А папаша его незадолго до вояжа того в Польше бунт усмирлял. Вроде много крови пролил, но в нужное положение провинцию поставил. Оказывается, Польша-то большей частью в империю входила. То-то они в двадцать первом веке с нами через губу разговаривали — не понравилась ей с медведем сожительствовать.

Ну, так вот! Тот царевич пока по заграницам мотался, задумали злые польские террористы наследника престола извести. В отместку, так сказать, за кровь братьев по рево-

люционной борьбе. Только просто пару пуль из снайперки в затылок или шахидку с пластиком под юбкой подослать в те наивные времена не комильфо было. Российская империя хоть и вся в долгах как в шелках была, а бабло на армию-то почти в два миллиона штыков находила. Шлепнешь в каких-нибудь Парижах сыночку, а батяня обидится ненароком да и полки двинет. Парижцы носом всю Парижию перероют, да злодея и отыщут, чтобы перед огорченным папашей себя обелить. Так вместо праздничного банкета по поводу успешной ликвидации видного политического деятеля конфуз мог получиться с зеленкой во весь лоб. Вот и решили злодеи тихонько сынулю травануть. По чуть-чуть гадости какой-то химической в пищу добавлять. Ее как много в организме накапливается, так сразу становится жутко неприятно. Вплоть до летального исхода.

В свите, ясно дело, и доктор присутствовал. Только знали героические борцы за самостийную Польшу, что доктором тот товарищ был, а вот врачом — нет. Туповатый, одним словом. Так он пациента своего единственного и протупил. Николай свет-Александрович даже в Ниццу лечиться было поехал, а там из всех болезней только абстинентный синдром остался, по себе знаю. И то не помогло. Прямо оттуда и отъехал в сторону дома вперед ногами. Жаль было царевича. Ярko автор его описывал. Может быть, в кои-то веки у страны нашей добрый хозяин бы образовался...

Долго я еще от книжицы той под впечатлением находился. Даже чуть было Владимира Владимировича Александром Николаевичем не назвал. Так папашу несчастливого наследника величали. И тогда на дороге именно она мне вдруг вспомнилась. Когда, судя по цвету, бронзовые монетки с профилем государя императора Александра Второго Освободителя разглядывал, из карманов дохлого тата добытые.

На самом молодом из ржавого цвета кругляков значилась одна тысяча восемьсот шестьдесят первый год. А если я правильно помнил, преступный инцидент в отношении его императорского высочества случился только в шесть-

десять пятом. Вот и выходило, что парнишка-то жив был еще!

Еще какая-то мысль крутилась в голове. Чем-то еще был тот шестьдесят первый год знаменит... Только вот очень трудно вспомнить то, чего, может быть, и не знаешь. И Гера-пассажир, придавленный моими припоминаниями сюжета той книжицы, подсказывать отказывался. Тоже мне помощник, прости господи...

— Вы бы, барин, за кушаком поглянули, — отвлек меня от тяжелых раздумий на ледяном ветру скрюченный на одну сторону возница. — У татей могут и ассигнации водиться...

— Как звать?

— Так-то Евграфом кличут, — подозрительно прищурился раненый.

— Гинтар!

Лицо старого слуги тут же появилось в приоткрытой двери. Надо же, услышал! Я вроде и звал негромко.

— Ты осматривал рану Евграфа. Он способен довести нас до станции? Или лучше будет поместить его в экипаж?

— Er ist kräftig genug, dieser Russe. Kann weiter fahren¹.

И вновь я легко понял чужеземную речь. Ну крепок этот русский, так крепок. Повезло мужику. Мог и костями лечь или инвалидом на всю оставшуюся жизнь сделаться.

А вот интересно, мой пока единственный подчиненный по-аглички шпрехает? И по-испански? Сам-то я — точно нет. Ни тогда, ни сейчас. «Уипьем уодки» — вот и все мое знание языка лондонских туземцев...

Пока сам себя смешил прикладной лингвистикой, руки ловко обшаривали скрытые за поясом мертвеца тайники. Заботливо упакованный в кожаный кисет документ — корявые рукописные строчки с кляксами и разводами на дешевой, похожей на оберточную, бумаге, но с орленой печатью — прибрал покуда. Потом разберемся, что за пачпорта положены робингудам Каинского округа Томской губернии. А вот бумажные деньги просто потрясли. Такое впечатление, что ни о каких способах защиты купюр от

---

¹ Он достаточно крепок, этот русский. Можем ехать дальше (нем.).

подделки в этом наивном веке еще и не подозревали. Где тут ближайший магазин бытовой техники?! Дайте самый примитивный ксерокс — и я за вечер стал бы мультимиллионером. На худой конец грамотного гравера и самый завалящий печатный станок...

В загашниках мужика без головы — того, что, аки человек-паук, прицепился было к моим вещам на задке кареты, — обнаружился примерно такой же набор. Документов никаких не было, а денег чуток побольше — вот и все отличие. И среди монет в мешочке, подвешенном на грудь рядом с крестиком, нашлась пара интересных: серебряная с надписями латиницей, которую ни я, ни Гинтар прочесть не смогли, и сияющий блестящими свеженькими медными гранями пятак от одна тысяча восемьсот шестьдесят третьего года. Еще были обкусанный по краям серебряный рубль с мордой лица какого-то неопределенного царя и почти черная «сибирская» копейка. Наверняка нумизматы за эти раритеты душу бы продали, но для целей определения своего положения во времени они были бесполезны.

Чуть дальше у края дороги, печально опустив голову, стояла изможденная лошадка. Я сначала было подумал — попало что-то в глаз, раз слезы покатались... Ан нет. Жалко эту скотину было.

Но когда-то, в те далекие времена, когда животное было молодо и полно надежд, это был высокий, поджарый кавалерийский конь — не чета лохматым «собакам», впряженным в мою карету. Возможно, даже хороших кровей. Понятно, не ахалтекинец. Но с Кавказа — точно. Я с трудом верблюда от оленя отличу, не то чтобы уж крови у лошадей определить. А вот Евграф рассуждал с видом специалиста.

На этом осмотр места происшествия можно было и закончить, да водитель экипажа не понял бы. Там ведь должна была оставаться еще одна лошадка. Пришлось лезть на облучок, братья за холодные вожжи и изображать из себя отважного первопроходца.

— В лошадях, смотрю, разбираешься, — откровенно завидую теплым варежкам раненого, сказал я, только чтобы что-нибудь сказать.

— Как же иначе, барин! — немедленно отозвался, позабыв морщить лоб от боли, ямщик. — Сами-то мы Кухтерины. Отец, царство ему небесное, Николай Спиридоньч, канским купчинам гильдейским за лошадьми ходил. Чужих аки своих выхаживал. И казачкам засечным с конягами помощь оказывал. А хде он, там и я при ем.

— Сами почему коней не разводите?

— Охохонюшки, барин! Справное-то животное, поди, и до пятидесяти рублей доходит. А где я?! Четвертную бумагу и видал-то единожды. И то в руках гостя торгового. С извозу ежели рубли три за зиму нашкорябаешь с добрых господ — и то ладно. Многие и того домой не привозят... Времена ныне таки... То ли копейку в кошель, то ли голой... задом в сугроб. Лихие опять же озоруют...

— А власти чего?

— Окружные-то? А им-то чево? Им жалова с Расеи идет. Што им до нас? Деньгу и ту, поди, фердъегеря привозят. Окромья купчин да ссыльных, и не нужны никому.

— А губернские чего ж?

— Те, барин, поди, и не ведают о нас, — хмыкнул извозный мужичок. Полдня везший нас по лютому морозу, потом раненый, но так и не захныкавший, не пожаловавшийся ни разу. Стальной мужичок!

— Но ведь тракт государев...

— То так.

— И извоз по тракту — государево дело. А для Сибири дорога эта так и вообще пуповина.

— Складно у тебя выходит, барин, — кивнул Евграф. — А мы, при извозе, значицца, навроде мамкиного молока, что нерожденное дитятко окормляет.

— Выходит, так, — улыбнулся я. — Вы людей возите, а это кровь Сибири нашей.

— Складно, — и вовсе обрадовался возница. — В Термаковскую деревеньку вернусь — землям передам, пораую. Мне за то и любо ссыльных-то возить, что у них за всегда складно речи весть выходит...

— А если бы была у тебя пара лошадок справных?

— Ишто? Издохла бы животи́на к весне. Я сена коро́венке едва надергал, а коня́м еще и овса положено.

Вымогатель. Наверняка ведь уже понял, что трофейные лошади ему могут достаться. И деньги из за́гашников злы́дней видел. Вот и намекал — чего бы мне не поделиться доходами? А и правда. Чего мне, жалко, что ли? Герман Гу́ставович одного жалованья по службе государевой до десяти тысяч в год должен получать. Да в саквояже двадцать тысяч ассигнациями — батюшкин гостинец. От матушки, уже года три как почившей, наследство — шестнадцать тыщ золотом — тоже с собой. В Санкт-Петербурге, в Государственном банке, девять серебром и двести с лишним акций Кнауфских заводов в Уральском горном округе примерно на двести тысяч серебром — это уже от отца. Дядя, отцов брат, Эдуард Васильевич Лерхе, калужский губернатор, письмо присылал, писал: коли нужда будет, мол, скажи. В пределах двадцати — тридцати тысяч поможет. Недавно у него жена скончалась. Дети еще не успели вырасти, так что он, похоже, надо мной решил попечение взять.

Брат пять тысяч передал «на обустройство». Говорил: на нового начальника попервой всегда по платью да ста́тью смотрят. Уж потом — по уму да делам. Что мне червонец засаленными, истертыми бумажками. А тому же Евграфу — доход за три года.

И возница к жизни на глазах возвращался, стоило и вторую конягу — молодого, задорного жеребца — к задку кареты привязать. А получив все добытые ковбойским трудом ассигнации — что-то около двенадцати рублей, между прочим, — Евграф и вожжи у меня отобрал.

— Шел бы ты в баул, барин. Полегчало мне. Сам, поди, справлюсь.

И добавил, убедившись, что я благополучно перелез на малом ходу внутрь кареты:

— Ты там за револьверт крепче держись. Мало ли чего...

Совет не был лишен логики, тем более что Гинтар с перезарядкой уже успел управиться. Так и поехал оставшиеся одиннадцать верст до почтовой станции в Усть-Тарке с пистолем за пазухой. Мало ли чего...

ния руки дошли. Стал интересоваться: а чего же это у нас в области не так и, главное, как с этим бороться. Только поздно уже было. Старые, те, кто знал, что да как, уже в отставку отправлены, а новые своих людей расставляют по вертикали власти. Некогда им пустяками заниматься.

Я сдуру по предприятиям поехал. С людьми стал разговаривать. Телевизоры это любят — стаяй за мной бегали. Пресс-секретарь чуть до белочки не допился на гешефтах. Банкиров к себе созывал и предпринимателей видных. Обещал всякое, наказывал и авансы раздаривал.

Пустое это все. Соратнички с меня пример брать не спешили. С народом ляды точить не стремились. Нашлось что отнять и поделить. И «папе» в Первопрестольную долю закинуть. К концу второго года моего правления у меня вся родня от третьего до седьмого колена уже миллионерами были. До третьего-то нельзя — они декларации о доходах подают. А так выходило, что шофер дядя Толя богачом рядом со мной числился.

Потом и вообще как-то втянулся. И рай земной расхотелось строить, и Москва по рукам палкой лупасила, стоило о нуждах народа заикнуться. Самый Главный — тоже человек. У него дочери. Так что строг, но справедлив. Лишнего не болтать, дань приносить в клювике вовремя и «неправильными» отчетами власть не пугать. Пуганая власть начинает нервничать и двигать кресла. А так: смертность выше рождаемости? Но ведь численность населения растёт, значит, и нечего вдаваться в подробности. А что «численность» эта в основном за счёт черноэмигрантов прибывает — так это тоже частности.

Опять же труба! Которая нефтяная. Думаете, нефть — это много-много вялотекущих денежек в иностранной валюте? Не только! Труба — это власть и влияние. Думаете, почему новосибирцы микролинзу на Верх-Таре разрабатывать стали? А чё они, рыжие? У всех вокруг труба есть, а у них, окромя моста через Обь, один Искитимцемент. Ну и баракхолка на Гусинке. Тоже труба та еще...

Владельцы этих самых нефтяных труб — самые главные «коровы». Кто только их не доит! Экологи, нацменьшин-

ства, администрации всех уровней, таможня, менты и, конечно, аппарат Самого. Отобрать самотекущее всяко проще, чем свое отдать. А бюджет уже давно поделен и даже «освоен». Чего его теперь — возвращать, что ли? Не поймут. А от непонятого появляется чувство опасности. В узких кругах широко известно: не каждому опасному везет до Лондона добраться. Многие и за неуплату налогов в особо крупных размерах в противоположную сторону, по этапу...

У меня нефть была. Немного по сравнению с Тюменью, но и поболее, чем у новосибирцев. Так что было за чей счет о народе заботиться. Если вдруг желание появлялось... Ну или жареный петух клевал в одно место.

Так что задолжал я бессмертной своей душе, ох, как задолжал. О том, что, кроме себя, любимого, другие люди есть, — позабыл. Как Инфарктий Миокардовский меня в иной свет переправил, задал я себе вопрос: зачем жил? Кто добрым словом вспомнит? Чего хорошего оставил после себя? И так, блин, больно и горько стало... И страшно. Все вытерпеть можно, все пережить, если хоть крошечная надежда остается. А какая надежда, если душа бессмертна, а ад этот — навсегда?! Думаете, там черти со сковородками? Совесть там. Огромная беспросветная совесть. И триллионы душ в этом пузыре, каждая со своими стонами о неисполненном, «на завтра» отодвинутом.

Как-то так и определился с тем, чего точно делать теперь не стану. А остальное? Планы какие-нибудь? Так долго еще до плановой-то экономики. Лет этак семьдесят. Трепыхаться решил, лапками сучить. А там, глядишь, и маслице подо мной собьется. И выплыву. Останется что-то опосля, за что юные пионеры цветочек на могилку принести не побрезгуют.

Жаль только, не на мою могилку — на Геры моего, в щель забившегося. Ну да кому надо — разберутся.

Но к чему-то стремиться-то нужно. Тут и железная дорога припомнилась. Чугунка, на языке туземного времени. А не построить ли мне чугунку? Так сказать, с опережением плана на тридцать лет. Да по-иному ее провести. Чтобы

не случилось в этом мире никогда нагловатой самопровозглашенной столицы Сибири. Чтобы Томск трехсотлетний не на задворках истории заснул, а на транссибирском транзите отъедался. Чем не цель?

Добрый полуслепой профессор, читавший нам, молодым оболтусам, лекции по политэкономии, рассказывал, что за десять лет после постройки железки Западная Сибирь жителями вдвое больше приросла, чем за двести лет неспешной колонизации до этого. Опять плюс.

Еще чего-нибудь построю. Поди, дело знакомое. Зря, что ли, семь лет директором департамента строительства оттрубил...

А с Караваевым разберемся. Потому и в памяти Германа Густавовича моего копался. По Имперскому Уложению я во вверенном мне уделе наиглавнейший полицейский и жандармский командир. Как-то мутновато с правами на юге моего улуса... Что-то там какой-то Кабинет «руль» перехватывает, но и с этим надеялся разобраться. Главное — всколыхнуть это болото. Чтобы задвигалось все, засуеилось. Чтобы людишки поверили — при деле они. При таком деле, что горы в стороны раздвинутся и болота пересохнут.

Важно это людям — при деле быть. Мало кто знает, кто именно бурил первую давшую нефть скважину в Колпашеве. А сколько человек могут по праву сказать: «Мы — нефтяники»? Вот то-то! И так во всем. Модно было одно время поминать Сталина, как Победителя в Великой войне. По мне — так фигня это все. Все победили. Все до одного жители той страны. Солдаты, офицеры, колхозники, рабочие... все-все-все. Пружину завел Сталин, как иначе! Товарищ тот еще был — спорить с ним мало кто себе позволить мог. Задвигали всю страну и засуеили — подручные Иосифа Виссарионовича. А вот в страшной войне победили — все! И по праву гордится той победой все тамошнее поколение.

Так и я решил действовать — пружины взводить. Мне вроде и попроще должно было быть. Послезнание — великая вещь. Я и раньше на память не жаловался, а пока в Веч-

ности купался, и подавно по полочкам все разложил. Каждую минуту жизни пережил заново. Нечем там больше заниматься — только себя самого поедом есть...

Может, я в истории и дуб дубом. Неинтересны мне были тенденции исторического развития и всякая такая хрень. А вот то, что касается богатств, — тут я специалист. На том и погорел, ну да чего уж теперь...

А того, что Сибирь богата, никому доказывать не нужно! Мой родной Томск вон вообще на плите из титан-никелевой стали по нефтяному морю плавает. И если с нефтью еще как-то худо-бедно разобрались, то железа и к моменту моей смерти добыть не могли. Я даже пару раз конкурсы устраивал на концессии по его добыче. Желаящие были — денег не было. Не каждый рискнет отвалить пару миллиардов североамериканских рублей на строительство комплекса, зная, что половину нахальные москвичи сразу попилят и откатами высосут. Жаль, что сейчас, в шестидесятых годах девятнадцатого столетия, ни колпашеской нефти, ни бакчарской стали мне не видать как ушей Германа Густавовича. Первую полезную дырку еще до войны проковыряли, но черное золото в трубу только в семидесятых годах попало. Технологий не было. Уж больно глубоко залегает. То же самое и о стали. В этом отношении алтайские руды Темиртау и Верх-Тарское микроместорождение более перспективными выглядят.

Ну, да и бог с ними. Железо — ладно. Чугуний для дороги из чего-то делать нужно. А нефть-то мне зачем? Что-то обгоняющих по встрече «мерсов» я на Сибирском тракте не наблюдал. Александровские кварцевые пески и известняки и то полезнее той нефти. Стекло и цемент. И в мои времена с лесом у нас все в порядке было, а за полтора столетия до меня и подавно. Но чтоб нормально строить, кроме леса, еще кирпич, стекло и цемент надобны. О золотых приисках тоже представление имею. В том числе и о тех, что только в двадцатом веке разведаны. А на что еще чугунок строить? Газпром или Томскнефть не выдоишь: нет их здесь еще.

Оставались еще вопросы про паровозы, вагоны и про-

чее железнодорожное хозяйство. Но я искренне полагал, что в необъятной Родине моей наверняка найдется специалист, согласившийся за длинный рубль отправиться строить паровые машины в холодную Сибирь. А уж уголь в районе будущего Кемерова прямо из земли торчит. На крайний случай оставался Междуреченск. Там коксующиеся угли «БелАЗами» из дырки в земле вывозили... Благо Томск и там правит. Не раскололи еще единый удел на четыре профильных и слабо друг от друга зависящих угла.

Хорошо все-таки, что Господь, в безграничной мудрости своей, меня домой вернул. Заслал бы куда-нибудь на Камчатку — и что бы я там делал? Медведей от гейзеров отгонял?

Чем только знание свое объяснять буду? Не отправишь же толпу людей олопаченных с напутствием: «Ройте, мужики, мамой клянусь, здесь жила золотая». Мамаша у нас, конечно, дама уважаемая, только в здешних пределах совершенно неавторитетная. Иное что-то требуется...

А люди что? Люди найдутся. Неужели я из сотни тысяч пару десятков соратников не соберу? Уж не впервой, поди. А кто не захочет по доброй воле цивилизацию вперед двигать, так «кто не спрятался — я не виноват». До царя далеко, а я — вот он. Тут. Рядом. И я здесь власть. Причем власть пришлая. Страшная и непонятная. И говорю-то я, скорее всего, не так, и брякнуть могу что-нибудь этакое, от чего у местных филейная часть сжимается. И поступать буду иначе, чем здесь принято. И списать все эти несуразности и угловатости есть на что. Из Питера я. Да еще и немчура. Кто нас, нехристей, знает?! Можя, они там все такие... поперешные.

И очень важно правильным «папой» в столице обзавестись. Крутится в памяти моего подопечного какой-то Бутков Владимир Петрович. Директор Сибирского комитета вроде. Но раз не хозяин, а директор, значит, человек назначенный. Как поставили, так и сняли. Мне бы «крышу» из тех, кто сам право имеет и к царю дверь ногой открывает. И если наследничек жив еще, то, может, и стоит усилия приложить, упредить подлых преступников, так

сказать. Глядишь, зачтется, когда шее топором или веревкой угроза возникнет. Ну, или хоть кивнет, когда мог бы промолчать. Тоже большое дело.

Определенные надежды возлагал на папу Лерхе. Как-никак генерал и при дворе. Сынулю смог пристроить на медовое место — неужто не подсобит, если что? А старший братец? Зря, что ли, уж сколько лет в адъютантах генерал-губернатора Западной Сибири штаны протирал? Заболвит же словечко...

— Ça je me suis bien trouvé!¹ — прошептал я себе под нос и с этой позитивной мыслью и уснул.

Глава 2

1864

Пока спал, за какой-то час испортилась погода. Порывы ощутимо встряхивали карету. К длинным, причудливо изогнутым старицам на западной околице Усть-Тарки подъехали уже под аккомпанемент злобствующего ветра, волком завывающего в пробитых пулями дырах. На колокольне Петропавловской церкви, плохо закрепленный, болтался и гудел колокол. Невысокие, накрытые метровыми шапками снега домишки и прозрачная, прореженная вырубками полоса Назаровских лесов совершенно не мешали стихии вольготно куражить.

Двор почтовой станции показался тихой гаванью в бушующем море. Хотя и тут сдуваемая с крыш снежная крупа совершенно заслонила мутное солнце.

— Экак запуржило-то! — поведаль, сверкая акульей улыбкой, Евграф. — Думал ужо, все. В трех березах закружит, снегом заметет, дороги-то с фонарями не сыскать. Благо Дорофей Палыч огню запалил на башне своей метафизической. Только так Назаровскую яму и сыскал...

Задал, короче, загадку.

Ну, насчет «закружит» — тут все понятно. Буран в зимней степи — удовольствие для мазохиста. Когда ветер дует,

---

¹ Это я прекрасно решил (*фр.*).

кажется, со всех сторон сразу, снег забивается в малейшие щели в одежде и небо с землей меняется местами. Явление же «металагическая башня» — совершенно наукой не изученное, а от этого любопытное. В связи с этим хотелось бы познакомиться с таинственным Дорофеем Палычем, сумевшим обуздать неизвестность и даже запалить на ней огонь.

Впрочем, у меня со сна всегда настроение не ахти. Годам к пятидесяти суставы стали ныть на непогоду, сна лишая, а пожаловаться некому было. Не находилось ни единой души вокруг, с кем можно было искренне поговорить. Так и бурчал себе под нос, вредничал. Сейчас-то тело вроде новое, а привычка осталась...

Башня быстро нашлась. Сначала огонь на башне — оранжевое пятно в снежной круговерти. Потом сквозь разрывы во вставших на дыбы сугробах проступила серая, не ниже трехэтажного дома, коробка башни. Но где же яма?

— Туда, барин, — превозмогая вопли разъярившейся природы, Евграф позвал, потянул к черному провалу в стене длинного сарая. Следом, закрывая лицо рукавом, мертвой хваткой вцепившись в рукоять сакvojа, шел Гинтар.

За спиной кони всхрапнули, сопротивляясь, но все-таки подчинились воле опытного лошадника и поволокли тяжеленный дормез в сторону распахнутых ворот каретного сарая.

Напрасно оборачивался. Извозчик, поди, и сам дороги бы не потерял, а вот я, оторвавшись взглядом от гостеприимной двери, заново ее на месте не нашел. Направление и то отгадал по положению тела старого слуги.

Седой прибалт, похоже, обзавелся не ручной кладью, а якорем. Не отбери я у него нетяжелый в общем-то, беременный портфель, думаю, он и шагу ступить оказался бы не в силах. Взял верного спутника под локоть, аки любимого дядюшку, и повел прямо в серо-ледяную мглу. Верил, что дорога найдется. Не оставит Вседержитель милостью своей двух усталых путников. Иначе глупая шутка вышла бы...

Местного благодетеля, того самого пресловутого Доро-

фея Павловича Матвеева, мы прямо на пороге и встретили. Может, не догадайся он с фонарем выйти, мы бы еще часа два по обширному двору геройски путешествовали. Пока или Мороз Колотунович, или немощь стариковская одно-го из нас не прибрала.

— Сюда, господа, сюда. — Звонкий, почти мальчише-ский и уж совсем неожиданный для Палыча голос и дрожа-щий, опасливо поджигающийся огонек свечи за закоп-ченным стеклышком наконец привели нас в спасительную утробу крепкого бревенчатого дома.

— А я и гляжу: двое-то из кареты-то выйти вышли, а не-тути и нету. Ну, думаю, заплутали в круговерти гостечки мои долгожданные, — тараторил молодой, едва-едва пух на верхней губе, хозяин станционного хозяйства. Просте-нький мундир коллежского регистратора почтового депар-тамента, накинутый на крестьянскую домотканую рубаш-ку, ноги в стоптанных овчинных чунях, наколенные «пу-зыри» на форменных брюках. И совершенно искренняя забота, волнение даже, о судьбе посетивших его вотчину путешественников.

В сердце кольнула игла стыда и за свой генеральский чин, и за... И за бездарно прожитую первую жизнь. Я смотре-л на молодого человека — лет двадцать, не больше, от роду, — и не хотелось все портить. Знал, чувствовал: стоит сбросить шубу, блеснуть в неровном свете свечного огарка золотом позументов — и пропадет это очарование молодой искренности. Словно подчиняясь заклятию злобного кол-дуна, на месте гостеприимного парня появится испуган-ный, закаменевший, замерзший воробышек.

— Здесь вот. Для господ по лесенке... Тут три ступенеч-ки всего... А коневода я в черной избе размещу, не извольте беспокоиться. И сыт будет, и коняжкам хорошо будет. А я с обеда исче барометр наблюдаю. Все падает и падает. Падает и падает. Ну что ты будешь делать! И небо, смотри-ка, темнеет и темнеет. А людям-то на тракте как? Степь-с, она людей не больно жалует-с... Ветра-то у нас какие! До пят-надцати сажений в секунду измерения доходят!

Тайна «металагической башни» существовала лишь в

моем воображении. Самый младший чиновник в Табели о рангах Российской империи подрабатывал метеорологическими наблюдениями.

— Извозчик наш, — вклинился я в первую же звуковую паузу. — Евграф. Он ранен. Надо бы рану обработать. Есть в деревне доктор?

— Сюда, господа. Туточки располагайтесь, — продолжал, словно не услышав, Дорофей. — Поди, буран треклятый не раньше завтрава упокоится. А там и лошадки ваши отдохнут. И поедете себе. А я сейчас чаю вам горячего принесу. Матрена хлеб свежий спекла и постряпушки еще с грибами. А то и медку? Медку не хотите ли?

И так вдруг захотелось меда. Так-то я его не особо жалею. Но тут так захотелось, даже запах его почуял. Травяной, пряный. А еще здорово огурец свеженький, только с грядки, в мед макать...

— Только мед в постатейной росписи не указан. Медок-то мне пасечник по осени привозит, а я уж добрым господам по пятнадцать копеек за фунт...

Из всех возможных фунтов я только фунт лиха и фунт стерлинга знал. Фунт — это сколько? Гинтар благосклонно кивнул — цена ветеранского моего слугу устраивала. Наверное, фунт — это много.

Герина память подтвердила. В пуде, а это примерно шестнадцать килограммов, сорок фунтов. Выходит, около четырехсот граммов. А за полтора рубля можно четыре килограмма меда купить?

— Рыбка еще есть. И копченая, и пожарить Матрена может... А доктора у нас нет. В округе только. Поди, не помрет прямо здесь-то. Куды ж я его, дохлого... И господам проезжающим с дохлым невместно...

— Befehlen Sie ihm, mein Herr, Wodka zu bringen¹, — хрипло протявжал с жутким эстонским акцентом Гинтар. Надо же! Еще пару часов назад я этого его говора не замечал...

— О! — вспыхнул восторженно глазами смотритель. Раненый извозчик был уже позабыт. — Старый господин —

---

¹ Прикажете ему, мой господин, чтобы принес водки (нем.).

немец. Я тогда печи пожарче растоплю. Поди, здесь не Европы. Холодно зато ему будет... Остороженько. Дверцы сибирцами деланы. Низковаты.

Поклонились низкой и широкой притолоке, вошли в белую гостевую избу.

— Растопи, любезный, растопи, — вновь вклинился я. — И на стол собирай. Мед, говоришь? И мед носи. И вот еще что... Водка есть? Полуштоф.

Я хотел, чтобы он ушел. Я собирался сбросить с плеч давящий на душу мундир — и не мог это сделать в его присутствии.

В обширной комнате оказался удобный отвешенный тканями закуток, где нашлось место и для объемного мехового куля бобровой шубы, и деревянный колышек в стене под мундир. От выбеленного бока печки ощутимо несло теплом, так что и в одной рубашке озябнуть я не боялся.

Вернулся заботливый Дорофей Палыч. Передал Гинтару отпилоч доски со стаканами, квадратной бутылкой, чашей с нарезанным крупными ломтями ароматным хлебом и пиалой меда.

— Сейчас и щти поспеют, — кивнул он сам себе. — Тута вот газетки пока полистайте. А подо щти уже и водочки отведаете...

Газеты! О! Источник информации! Дрожащими от нетерпения руками я взялся перебирать хрусткие, отвратительного качества бумаги, листы «Томских губернских ведомостей». И, в первую очередь убедившись, что газета выходит еженедельно, принялся отыскивать самую свежую из имеющихся.

Номер первый за девятое января шестьдесят четвертого года уведомил меня, что в Томском городском благородном собрании прошел праздничный новогодний бал. На котором стараниями супруги городского полицмейстера баронессы фон Пфейлицер-Франк собрано 411 рублей на нужды воспитанниц Мариинской женской гимназии. Какие молодцы! Если я правильно помнил, Мариинск — это город к северу от Кемерово. Почему томская элита собирает пожертвования для девочек Мариинска, мне было не-

понятно. Мне в общем-то и дела до этого не было. Может, в самом городке у черта на рогах одна беднота проживает, детьми, стремящимися к знаниям, обремененная. Преимущественно — девочками... Собрали четыреста с лишним рубликов, и ладно. Честь им и хвала. Могли и пропить, а так нуждающимся помогли.

Зато теперь я знал, что попал в новое тело 19 февраля 1864 года. До того самого злополучного бон-вояжа наследника престола Российской империи еще почти год, и я легко успеваю его предупредить. Нужно только источник моей информированности организовать. Ну да это дело несложное. Придумаю чего-нибудь. Для начала с жандармами подружусь, а там будем посмотреть.

В «Ведомостях» жандармы не упоминались вовсе. Юбилей Сибирского линейного Одиннадцатого батальона в августе прошлого года — был. Назначение майора фон Пфейлицер-Франка Александра Адольфовича томским полицмейстером — было. Даже цены на основные продукты питания — были... О жандармах — тишина. Не любят, видно, их. Или те не любят публичности. И то и то мне на руку.

А имя надзирателей начальника и оперов командира я постарался запомнить. В крайнем случае, отложу в памяти его баронский титул. Вряд ли в Томске их много. Полковника Денисова, губернского воинского начальника, упоминавшегося в связи с очередным рекрутским набором, тоже на полочку. С силовиками надо дружить! Интересно, динамит уже придумали? И есть ли он у господина полковника? Что мне, шахты кайлом людишек заставлять рыть, что ли? Так где я опытных шахтеров наберу? Сто кило взрывчатки — и гребни уголь или там бурый железняк лопатами...

От газет отвлекла Матрена — яркий представитель многоуважаемой гильдии поварих. Всегда с подозрением относился к худым и востроносым кулинарам. А Матренины яства кушал с удовольствием — у пышных телом курносых хохотушек и в печи все пышет и шкварчит. И запахи такие

завлекательные, что от одного вида ее булочек слюной полон рот.

Экстаз. Дуть на горячий суп в ложке. Откусывать тающий на языке ноздреватый хлеб. Грамм тридцать водочки под кислые щи. Густейший, терпкий чай со сдобой. Янтарные потеки меда на зажаристой корочке пирожка. Вновь делать то, с чем распрощался миллион лет тому назад. Вновь есть, пить, уставать, совершать глупости... Да просто развалиться в неудобном кресле и млеть, размышляя о том, что приобрел и чего лишился. Улыбаться возмущенным воплям выбравшегося из своего убежища Геры и верить, что лучшее еще впереди.

— Простите, молодой господин, — тяжело вздохнул Гинтар, решившись все-таки отвлечь меня от ленивых мыслей. — Я спать лягу. Силы уже не те...

— Ложись, — кивнул я. — У нас карта моей губернии есть? Достань и ложись.

Шелковый мешок с невзрачным чертежом на невероятно толстой — как два ватмана — бумаге. Ни китов или других каких кикимор, ни медведей в лесах. Даже самоедов на оленях — и тех не оказалось. Почему я думал, что украшать карты перестали только при Советах?

«Генеральная карта Томской губернии с показанием почтовых и больших проезжих дорог, станций и расстояния между оными верст», сочинена по новейшим и достоверным сведениям в Санкт-Петербурге 1825 года». Хрена-се! Поновой ничего не нашлось? Полковник Пядышев, коим «сочинена и гравирована», уже, наверное, почил в Бозе... А мне этим пользоваться? Как-то по этому чертежу деятельность планировать? Половина рек не подписана. Как мне геологов на разведку отправлять? Да и с точностью большущие проблемы. Я даже по очертаниям удела вижу, что с реалиями эта «генеральная карта» ни фигя не совпадает.

Блин, проблема на пустом месте. Придется туземных проводников для своих экспедиций искать. Названия речек я помню, места примерно тоже, но по картам от ГУГК, а не от полковника Пядышева. Может быть, в легендарном

двадцать пятом году эта картина и была прорывом в геодезии, но в одна тысяча восемьсот шестьдесят четвертом уже совершенно не впечатляла.

С другой стороны, есть вероятность, что я зря нервничаю. Главным на этой «генералке» выведены дороги. В СССР тоже туристические схемы печатали, и даже кому-то они были нужны. Почему бы и этой не быть просто пособием для путешествующих Сибирским и другими, совмещенными трактами? Да легко. У военных наверняка есть другие карты. Им же войска водить. И не только по дорогам. С «показанием расстояния между оными», блин.

Сквозь сипение ветра за стенами послышалась какая-то возня, конское ржание, топот множества копыт. Спусти пару минут уже в широком коридоре, разделяющем черную и белую избы, зацокали подковками кавалерийских сапог. Я взвел боек «адамса» и пересел на стул лицом ко входной двери. Не слишком метко получится стрелять из-под столешницы, но если в гости к Дорофею Павловичу явились караваевцы, им получится замечательный сюрпризец.

А что? Вполне логичный ход. Ждали-пождали сообщений в условленном месте, сообразили, что фортуна повернулась к бедолагам задом. А приказ-то остался. Куда денется потерпевший, едва-едва ускользнувший от верной смерти? Конечно, в ближайшую почтовую станцию — место, по мнению столичного молодого повесы, надежное и безопасное.

И что бы я сам сделал на месте разбойничьего атамана? Во-первых, я бы уж точно не стал посылать троих самых бестолковых. Понятно — их не жалко, все-таки окажись у отважного губернатора, сдуру в одиночку путешествующего по просторам дикой Сибири, охрана. Только ненадежно это. Я же ленивый. Уйдет — гоняйся за ним потом вдоль тракта. А если увидит кто?! Зачем мне свидетели? Нет, ни мне, ни им свидетели не нужны. Значит, грамотная засада. Даже десяток фузей образца Отечественной войны двенадцатого года, залпом, гарантированно подавит любое сопротивление.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1</i> . 19 февраля	6
<i>Глава 2</i> . 1864	28
<i>Глава 3</i> . Московский тракт	50
<i>Глава 4</i> . Каинск	70
<i>Глава 5</i> . Купцы иерусалимские	93
<i>Глава 6</i> . Кольванские мысли.	123
<i>Глава 7</i> . Кольванские встречи	153
<i>Глава 8</i> . Томские открытия.	184
<i>Глава 9</i> . Нищенствующие богатеи	214
<i>Глава 10</i> . Томское многоделье	247
<i>Глава 11</i> . Револьвер и все, все, все....	273
<i>Глава 12</i> . Из грязи	305